

КЛОУН "ДУМАЮЩИЙ КОНЧИКОМ ПЕРА"

Энгибаров

28.08.91

Когда его не стало, ему было 37... Помните, у Высоцкого: "С меня при цифре 37 в момент слетает хмель. Вот и сейчас как холодом подуло..."? Часть этого холода передается и нам, стоит только задуматься о том, сколько смог бы еще успеть сделать и в манеже, и в литературе Леонид Энгигбаров, проживи он хотя бы лишней десяток лет. Но Судьба распорядилась по-своему, и ничего другого не остается, кроме скорби и воспоминаний.

Красноречивое безмолвие... Когда авторы пытаются описывать содержание пантомимических реприз Энгигбарова, в описаниях этих реприз теряют свою выразительность. Энгигбарова нужно было видеть. И на него ходили, чтобы посмотреть, его денили.

Расцвет его циркового творчества пришелся на шестидесятые. Сколько всего было отдано этой "маленькой желтой планете диаметром в 13 метров, с коротким названием - Цирк". И сколько всего не сказано, не создано...

"Уйдя из жизни в 37 лет, он остался загадкой", - скажет Ю.Никулин после смерти Энгигбарова. Если загадка, значит - интерес. Интерес, который не ослабевает к замечательному мастеру манежа и теперь, 17 лет спустя. Не меньшего интереса заслуживает разговор о Энгигбарове-клоуне "думующем кончиком пера".

"Еще когда был мальчишкой, мечтал написать книгу", - признается он. И написал. Книгу поэтических миниатюр "Первый раунд". Странное название? Да нет. Просто, кроме различных его исканий до цирка девять лет он провел на ринге. Затем, спустя некоторое время, увидела свет и еще одна книга - "Последний раунд". Это в те же шестидесятые.

Вслушайтесь в музыку таинственно-нежного языка его миниатюр, и вы найдете в них все. Вас внезапно заинтересует то, мимо чего вы ежедневно проходили, не замечая. Вы еще и еще раз пройдете по знакомым улицам, делаясь мудрее и добрее. Воспоминания обязательно натолкнут вас на персонажи сказок Г.-Х.Андерсена, которые читали вы в таком далеком детстве. Вслушайтесь, и вы поймете...

"Писать трудно. Потому что надо, чтобы написанное приносило не меньше пользы, чем зеленое дерево, из которого сделана бумага".

Еще бы. Попробуй написать так, чтобы читатель радовался и грустил одновременно, познавал и очищался, понимал и любил. Но главное, чтобы он понял: как необыкновенно обыкновенное!

"Главное для меня в жизни - ответственность и волнение перед чернильницей и чистым листом бумаги". Прочитав две-три его новеллы, удивляешься от того, что понимаешь это совершенно!

"В моей голове постоянно теснятся герои моих будущих новелл, приводят с собой других и стучатся в мое сердце..."

Сколько же их было, этих персонажей. Девочка, умеющая летать; возлюбленная тореадора; окно и зонтик; тень и листья; яблоня и желтая роза. Ну, и, конечно, артисты цирка: жонглеры, акробаты, клоуны. Ведь цирк это...

"В каждом из нас, даже если мы в этом не сознаемся, живет мечта о сказке, в которой возможны полет без пропеллеров и турбин, где вещи подчиняются людям, а не наоборот, где смех вдребезги разбивает серость, обыденность и скуку. У этой сказки много названий, и одно из них - цирк".

Если вы еще не знакомы с литературным наследием Л.Энгигбарова, вам предоставляется прекрасная возможность знакомства и погружения в творчество великого мастера волшебной чаши манежа. Но опубликованное здесь - это далеко не все, с чем познакомиться вам еще предстоит.

Он выходил к нам с чистой душой и открытым сердцем, измотанный подъемами и спусками, сквозь лица с опущенными забралами. Он выходил к нам с любовью и глубочайшей ответственностью перед нами. И, завещая нам беречь друг друга, как-то не уберется сам...

"Каждое утро я должен проводить за письменным столом, иначе придешь к людям пустым".

Итак, миниатюры Леонида ЕНГИБАРОВА...

Алексей КОБЛЕНЦ

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в Москве. Девять лет провел на ринге. Заповедь "ударил по правой щеке, подставь левую" считаю в корне ошибочной.

Сменил множество профессий, и в двадцать два года мне оставалось только стать актером. Писать начал тогда же, поневоле. Никто из авторов не хотел со мной работать, пришлось самому стать сценаристом. Понравилось. Теперь с ужасом думаю: а вдруг явится настоящий сценарист...

Люблю: море, осень... Винсента Ван-Гога.

Боюсь: благополучия.

Главное для меня в жизни - чувствовать ответственность за все совершающееся вокруг нас.

ДЕВЧОНКЕ, КОТОРАЯ УМЕЕТ ЛЕТАТЬ

Ты только не бойся. С тобой никогда ничего не случится, потому что у тебя два сердца. Если в воздухе на секунду замрет одно, то рядом забьется второе.

Одно из них дала тебе твоя мать.

Она смогла это сделать потому, что девятнадцать лет назад сумела полюбить, полюбить... Ты не смейся, это очень трудно - полюбить.

А второе сердце дал тебе я. Носи в груди мое шальное сердце.

И ничего не бойся.

Они рядом, если замрет на секунду одно, то забьется второе.

Только за меня не волнуйся, мне легко и прекрасно идти по земле, это понятно каждому.

Мое сердце в твоей груди.

ЯБЛОНЯ

Если немного постоять под колоннами Большого театра, примерно в восемь вечера, за полчаса до выхода Плисецкой, потом дойти по улице Горького до памятника Пушкину; спуститься бульварами к Трубной, деликатно не замечая влюбленных, и по кирпичным аллеям скверов, завернутых в мягкую весеннюю зелень, добраться до Марьиной Рощи, тогда за мостом железной дороги, там, где недавно стояли старые домики, можно в вечерних сумерках увидеть белоснежную яблоню - балерину в белоснежной пачке, одну среди ошалевшего от любви и преданности бурияна, и услышать овацию восхищенного электропоезда - с желтыми глазами-окнами, проносащегося к далекому морю.

Наверное, некоторые мне скажут: "Зачем весь этот долгий путь, когда можно сесть на такси?" Конечно, можно - только там, за мостом, вы ничего не увидите, потому что будет еще светло.

В БОЮ НИЧЬИХ НЕ БЫВАЕТ

Третий раунд. Через минуту. Тот самый, который решит бой. Я сажусь, нет, падаю на табуретку в своем углу. А через минуту, нет, уже пятьдесят секунд... В углу напротив - твой противник и твой друг Толька Завьялов. Его боковые - это все равно что вращающийся пропеллер самолета. Осталось тридцать секунд. Все знаю: надо разрывать дистанцию и бить сухо слева, справа, слева и снова кружить по рингу. Осталось двадцать секунд. Черт с ним, с этим Толькой, ну будет у меня не 124 победы, а столько, сколько было - 123. Тоже ведь немало. Осталось пятнадцать секунд - третий раунд, мучительный, долгий и безжалостный... И тогда старый боец, мой тренер, добрый и мудрый наставник, находит нужные слова:

"Встань, мальчиш, встань и будь мужчиной, ибо в бою ничьих не бывает".

Теперь, спустя много лет, я уже не помню, выиграл я у Тольки Завьялова или нет, помню только, что я встал.

ЖОНГЛЕР

Гремит барабан, рассыпается сухая дробь, между тремя булавами мечется фигурка жонглера.

- Не урони! Не урони!

Три булавы вылетают из-за спины, выскакивают из-под ног, вот они над головой, вот у самой земли, и то бешено крутятся, то будто замирают в воздухе.

- Не урони, как однажды уронил свое счастье. Эти три деревяшки забрали у тебя все, а что дали взамен? Но об этом потом. Сейчас твои ладони в кровавых трещинах, и беспощадные прожектора бьют, до слез бьют по глазам.

- Не урони! Ты жонглер! Сплети еще одно прекрасное кружево, выдумай еще одну невероятную линию, которая мелькнет и исчезнет...

Потом, когда кончится дробь барабана и подойдет к концу жизнь, тебе скажут, что ты был несчастлив в жизни, потому что ты всегда работал и ни на что другое у тебя не оставалось времени.

Но зато ты делал невозможное - человек, чьи ладони в кровавых трещинах...

Разве это не счастье?

СИЛА ИСКУССТВА

Умирал старый жонглер Войцеховский. Да, в обычной гостинице, на обыкновенной койке, рядом с обыкновенной больницей, которая была занята своими больничными делами, и поэтому ей не было никакого дела до старого Войцеховского.

А умирал не кто-нибудь, умирал сам Вацек Войцеховский - "Король трех зонтов"...

Чему удивляться, разве не в провинциальной гостинице умерли Фредерик Леметр, Орленев, Сальвини?

А теперь и Войцеховский.

Он был Королем трех зонтов.

У кровати стояли близкие. Васька - "каучук", Веников - "сатира" и Митрич (помесь сенбернара с лайкой).

Плохо было Войцеховскому. Сердце подпрыгивало еле-еле, как шарик у жонглера.

И вдруг Ваську и Митрича осенила Идея. Они бросились по соседним номерам и скоро принесли три разноцветных зонтика. Положили их перед Вацеком и одепенели.

Вацек увидел зонтики, и у него навернулись на глаза слезы. Мы сняли кепки, а он тихо встал, посмотрел вдаль и горько сказал: "Рано хороните Войцеховского, Короля трех зонтов. Рано!" И пошел в душевую. Все облегченно вздохнули. Митрич залаял, а Васька побежал за пивом.

Да, сила искусства - великая сила.

АПЛОДИСМЕНТЫ

Каждый вечер в огромном зале я собираю тысячи аплодисментов, тысячи всплесков человеческих рук, и охапками приношу их домой.

Ты сидишь на тахте с книжкой в руках, укрывшись пледом. Я включаю свет, чтобы ты могла разглядеть то, что я принес, и закрываю окно, чтобы они не разлетелись. Аплодисменты заполняют всю комнату, плещутся у твоих ног, фонтанчиками взлетают к потолку, а ты радуешься, как маленькая. Я сажусь в кресло и жду, когда все утихнет и успокоится. Ты продолжаешь играть, и мне становится грустно, потому что всякая игра рано или поздно надоедает.

Я встаю и распахиваю настежь окна, аплодисменты вырываются на улицу и разлетаются... Минута, другая, вот и стих последний хлопок.

Я поворачиваюсь к тебе, хрю, чтоб ты меня разглядела, я устал, я голоден, и у меня болят плечи... Но ты ничего не видишь и не слышишь, тебя оглушила огромный зал и закрыл меня.

Завтра я снова пойду собирать для тебя то, без чего ты уже не можешь жить.

НЕ ОБИЖАЙТЕ ЧЕЛОВЕКА

Зря, просто так обижать человека не надо. Потому что это очень опасно. А вдруг он Моцарт? К тому же еще не успевший ничего написать, даже "Турецкий марш". Вы его обидите - он и вовсе ничего не напишет. Не напишет один, меньше светлых чувств и мыслей, а значит, и меньше хороших людей.

Конечно, много можно и обидеть, ведь не каждый человек - Моцарт, и все же не надо: а вдруг...

Не обижайте человека, не надо.

Вы такие же, как он.

Берегите друг друга, люди!

129
X3